

Рубеж XIX и XX вв. в истории этнографической науки ознаменовался, как известно, существенными сдвигами в характере и стиле научного мышления. Это было обусловлено, с одной стороны, социально-политическими причинами (вступлением капиталистического мира в стадию империализма с его непримиримыми антагонизмами), а с другой — трудностями самого научно-познавательного процесса (постановкой новых проблем, поисками адекватной теории и методологии). Такие поиски осуществлялись буржуазными учеными, нередко консервативно и даже реакционно настроенными, опиравшимися на соответствовавшие этому настроению философские доктрины — неокантанство (немецкий диффузионизм школы Ф. Гребнера), позитивизм (французская «социологическая» школа) и т. п.

Развитие этнографической мысли в Англии, особенно после первой мировой войны, характеризовалось теми же чертами, однако приобрело своеобразную форму. Именно это своеобразие стремится раскрыть автор рецензируемой книги, последовательно прослеживая эволюцию британской социальной антропологии более чем за полувековой период. В книге Е. А. Веселкина, состоящей из краткого введения и шести глав (последняя небольшая глава в сущности выполняет роль заключения), впервые в нашей литературе столь подробно и обстоятельно обсуждаются пути развития двух направлений или «школ» — функционализма и структурализма, которые отчасти хронологически существовали (одно время даже могло казаться, что структурализм есть лишь ответвление функционализма), но по преимуществу преобладали в разные периоды — функционализм по существу почти исчерпал себя уже в конце 1930-х годов, а структурализм набрал силу в послевоенные годы. Эти хронологические различия, как правильно отмечает автор, выражают не просто последовательность идейного развития британской социальной антропологии, а служат показателем разных этапов общего кризиса империализма, его проявлением в буржуазной науке.

Оба эти направления исследуются Е. А. Веселкиным на основе серьезного изучения методолого-теоретических принципов их основоположников и наиболее видных представителей — Б. К. Малиновского и А. Р. Рэдклифф-Брауна, а также путем анализа конкретных исследований, выполненных ближайшими учениками и последователями названных ученых. С позиций советской школы в этнографии, опираясь на фундаментальные положения исторического материализма, автор подвергает критическому разбору наиболее важные концептуальные положения британской социальной антропологии, выясняет ее роль в попытке создания научного обоснования сначала колониальной, а позднее неоколониальной политики британского империализма.

В советской этнографической науке вопросам критического анализа социальной антропологии уделяется серьезное внимание¹. Автор хорошо знает соответствующую литературу и весьма полно ее использует. Его собственные, ранее опубликованные работы² свидетельствуют о том, что он своими исследованиями подкрепляет и развивает сложившуюся уже традицию. Автор книги вносит новое в наши знания о британской социальной антропологии, показывая историческое развитие этой отрасли знания, развертывание ее теорий, методов, понятийного аппарата, практических приложений и т. п. Историкографический подход позволяет автору продемонстрировать развитие английской этнографической мысли, связь между ее отдельными этапами, уловить характерные взгляды и концепции, свойственные британским социальным антропологам на разных этапах, и объективно их проанализировать.

Е. А. Веселкин шаг за шагом прослеживает возникновение, развитие и угасание ряда идейно-теоретических построений антропо-социологов. Это касается теории «культурных контактов» (глава II), которой придерживались функционалисты, основывая ее на главных постулатах Б. К. Малиновского (функционалистская концепция потребностей, культуры, института, функции и т. п.). Автор анализирует содержание и оценивает значение выдвинутой уже структуралистами теории «единого социального поля» (глава IV), которая опиралась на более детально разработанные принципы и уточненные понятия — «структура», «социальная роль», «модель поведения», «социальное изменение»³, «борьба противоположностей» и т. д. (гл. II). В книге рассматривается и новейшая структуралистская теория — концепция «социальной сети» (глава V); автор оценивает ее как попытку британских социальных антропологов отыскать выход

¹ Д. А. Ольдерогге, И. И. Потехин. Функциональная школа в этнографии на службе империализма. — В сб.: «Англо-американская этнография на службе империализма. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XII, М., 1951.

² Е. А. Веселкин. Теория «единого социального поля» в британской социальной антропологии. — В сб.: «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973; *его же*. Понятие социальной сети в британской социальной антропологии. — В сб.: «Концепции зарубежной этнологии». М., 1976.

³ Заметим мимоходом, что концепция «культурных изменений» в английской социальной антропологии уже была предметом критического рассмотрения не только советских этнографов, но и африканистов из ГДР. — См., например: H. Joachim. Zu einigen Aspekten der Kulturwandelforschung. — In: «Ethnografisch-archäologische Forschungen», H. 1. Berlin, 1965.

из методологического тупика, в котором оказалась английская этнография благодаря упорному стремлению во что бы то ни стало оставаться на позитивистских позициях и сохранять враждебное отношение к историческому материализму. Впрочем, Е. А. Веселкин отдает должное изобретательности английских ученых в разработке методик полевой работы.

Названные теоретические и методологические построения (а также ряд других) рассмотрены вполне объективно, но отнюдь не объективистски. В книге ясно выражено осуждение служебной роли британской социальной антропологии, которая существенно помогала и до сих пор помогает в борьбе английского империализма за влияние на народы, в частности Африканского континента. Вместе с тем автор справедливо отмечает, что именно английские функционалисты впервые в истории буржуазной науки доказали практическую значимость этнографии и наличие у нее прикладных аспектов. Это принципиально важно, хотя, несомненно, участие в научном обосновании и создании системы косвенного управления британскими колониями и помощь современным неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМ устремлениям английских монополистов — слишком дорогая цена, уплаченная за открытие этой истины.

Е. А. Веселкин справедливо указывает на то, что британские социальные антропологи явно переоценили свои возможности: они обещали больше, чем смогли сделать. Ни функционалисты, ни структуралисты не сумели создать ни единой типологии человеческих обществ, ни открыть законы их развития, ни выяснить фундаментальные причины социальных изменений. Их реальные научные достижения в значительной мере (помимо уже указанного) сводятся к постановке ряда проблем и к поискам их решения, к сбору и интерпретации новых и часто очень интересных фактических данных. Что же касается теории и методологии, общего социально-политического направления и т. д., то их характер рождает далеко не риторический вопрос: есть ли будущее у социальной антропологии⁴.

Оценивая в целом исследование Е. А. Веселкина, мы можем с удовлетворением констатировать, что советские читатели получили книгу, хотя и небольшую по объему, но весьма содержательную и полезную для каждого, кто интересуется проблемами европейской социально-антропологической и социологической мысли. Впрочем, положительное отношение к обсуждаемой работе не исключает отдельных замечаний и пожеланий автору, которые, думается, тем более уместны, что сама тема еще не исчерпана, а интерес к ней со стороны читателей весьма значителен.

Прежде всего было бы полезно подойти к поставленной в книге задаче с более широкими историографическими позициями, приняв во внимание развитие этнографической мысли не только в Англии, но и в других европейских странах, в частности в России. Речь идет о возникновении функционалистской концепции, основные положения которой еще за четверть века до Б. К. Малиновского — в 1897 г. — сформулировал известный организатор частного Этнографического бюро в Петербурге В. Н. Тенишев. То, что ставил себе в заслугу сам Б. К. Малиновский и что особенно подчеркивали его последователи, — создание так называемой теории потребностей, постановка вопроса о связи социальных потребностей с поведением (деятельностью) человека и социальной группы, отрицательное отношение к изучению пережитков («пережитков» по терминологии В. Н. Тенишева) и убежденность в практическом, управленческом значении этнографических знаний, — все это вполне отчетливо и достаточно полно высказал В. Н. Тенишев⁵. Ряд соображений, весьма созвучных функционалистской концепции, раньше Б. К. Малиновского и А. Р. Рэдклифф-Брауна или почти одновременно с ними формулировали и другие буржуазные ученые в разных странах (Э. Дюркгейм во Франции, Р. Турнвальд и М. Вебер в Германии, Я. Смэтс в Южной Африке и др.). Дело здесь, разумеется, не только и не столько в приоритете того или иного автора, а в той общей идейной атмосфере, которая, будучи сама отражением социально-политического кризиса империализма, вместе с тем формировала сходные и даже тождественные черты идеологии и стиля научного мышления у различных и, казалось бы, идейно далеких друг от друга ученых.

В связи с этим необходимо также принять во внимание эволюцию буржуазной философской мысли, оказавшей существенное воздействие и на развитие теоретической этнографии (социальной антропологии). Распространение на рубеже прошлого и нынешнего столетий позитивистской философии второго этапа (махизма и т. п.) сказалось на формировании концептуальных схем, разрабатывавшихся социальными антропологами. Теоретическая робость английских социальных антропологов, их эмпиризм, хотя и сопряженные с резкой критикой (нередко несправедливой) по поводу эволюционизма, находили опору в философии, стремившейся «примирить» идеализм с материализмом, занять позицию, создававшую иллюзию преодоления коренных мировоззренческих противо-

⁴ И. Р. Григулевич. Социальная антропология: есть ли у нее будущее? — «Сов. этнография», 1975, № 2.

⁵ В. Н. Тенишев. Деятельность человека. СПб., 1897; *его же*. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1898. О В. Н. Тенишеве см.: Н. Начинкин. Материалы «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР. — «Сов. этнография», 1955, № 1; М. Г. Рабинович. Этнографическое изучение города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева). — В сб.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV. М., 1968.

речей. Той же цели служила и попытка создать впечатление, что коренные теоретические и философские понятия, такие, например, как причинность, должны уступить место другим, в частности представлению о функциональной зависимости явлений⁶. Нет сомнения, что концепция функциональной зависимости (основное и, кстати сказать, весьма слабо разработанное, как это ни странно, понятие в доктрине функционализма) заимствовано именно из позитивистской философии. Едва ли будет ошибкой сказать, что вообще зависимость британской социальной антропологии от различных философских систем, в особенности от английской буржуазной философии (логического позитивизма, лингвистической философии⁷) является более тесной, чем принято думать, и выяснение этой зависимости может стать существенным аспектом при изучении истории теоретической этнографической мысли.

Сходные замечания следует высказать и относительно изложения в рецензируемой книге структуралистского этапа развития британской социальной антропологии. В данном случае небесполезно вспомнить как о швейцарском лингвисте Ф. де Соссюре, так и о других ученых, трудившихся в области языкознания, фольклористики и этнографии (деятели общества по изучению поэтического языка в Петрограде, Пражском лингвистическом кружке и др.). Очень интересны и продуктивны структурные исследования советского фольклориста В. Я. Проппа, оказавшие определенное влияние на развитие науки в западноевропейских странах. Особенно важно подчеркнуть, что большинство из этих исследователей принадлежало к прогрессивному направлению в науке (в отличие от А. Р. Рэдклифф-Брауна и его последователей, придерживавшихся весьма консервативных взглядов).

Высказанные соображения, конечно, ни в какой степени не меняют того благоприятного впечатления, которое складывается в результате чтения книги Е. А. Веселкина. Он поставил перед собой относительно узкую задачу и хорошо с нею справился. И если мы позволили себе обратить внимание на желательность более широкого взгляда на обсуждаемую проблему, то сделали это лишь в надежде, что такое расширение будет способствовать дальнейшей плодотворной работе автора.

В. В. Пименов

R. W. Bulliet. The camel and the wheel, Cambridge, 1975, 327 pp.

Вопрос о соотношении этнических и хозяйственных традиций имеет особое значение для исследователей, занимающихся проблемами этногенеза. В чем проявляется этническая специфика: в своеобразии способа ведения хозяйства, в деталях орудий труда, в навыках работы этими орудиями или в видовом составе фауны и флоры, с которыми люди имеют дело? Все эти вопросы особенно остро встали перед участниками проходившей на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии об агроэтнографии. В ходе дискуссии стало ясно, как необходим поиск исторических корней того или иного хозяйственного комплекса или его отдельных элементов. Именно к такого рода исследованиям и относится рецензируемая книга Ричарда Бальгета, в которой автор попытался выявить историческую роль верблюдоводства, проследившая его историю на протяжении нескольких тысячелетий.

В главе I исследуется вопрос о соотношении использования транспортного верблюда и повозки у народов Передней Азии и Северной Африки в древности. Анализируя письменные и изобразительные источники, а также данные языкознания, автор показывает, что для мусульманского мира Передней Азии и Северной Африки в эпоху средневековья повозка была нетипична в отличие от более раннего периода, и приходит к выводу о вытеснении повозки верблюдом на протяжении I тысячелетия н. э. Это, как считает автор, совершилось по двум причинам. Во-первых, верблюд, не требовавший дорог и дорогостоящей сбруи, оказался более экономичным средством передвижения. Во-вторых, с распространением кавалерии и исчезновением колесниц передвижение в повозке стало анахронизмом. На фоне бесконечных войн, приведших к упадку римской системы дорог, оба фактора стимулировали исчезновение колесного транспорта.

Таким образом, уже в начале I тысячелетия н. э. имелись культурные стимулы для перехода к транспортному верблюдоводству, который завершился в условиях арабского завоевания. Тем самым автор убедительно демонстрирует отсутствие жестко детерминированных связей между культурой и природной средой, поскольку важнейшие изменения в транспортных средствах произошли в однородных природных условиях.

Глава 2 посвящена проблеме происхождения одногорбого домашнего верблюда (дромедара). Она предваряется краткой характеристикой процесса возникновения, эволюции и расселения верблюдовых. Этот процесс еще плохо изучен, что неизбежно делает ряд выводов автора гипотетическими. Как бы то ни было, можно согласиться с ним в том, что в период неолита дромедар был широко представлен в Аравии, тогда как в Месопотамии, Анатолии и других районах Передней Азии он если и встречался, то редко.

⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, с. 470—471.

⁷ См., например: *Морис Корнфорт*. В защиту философии. Против позитивизма и прагматизма. М., 1951; *его же*. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968.